

Новый поэтический сборник и вся жизнь

Опыт не рецензии, а рассказа о жизни хорошего человека

Передо мною один из первых прибывших в Одессу экземпляров книги "Пейзажи Нью-Йорка". Эта книга вышла, как теперь говорят, в "дальнем (очень дальнем) зарубежье" и принадлежит перу моей в недавнем прошлом коллеги по ОНПУ Евгении Львовне Кричевской.

В своем новом сборнике стихотворений Е. Л., по сути, рассказала об узловых моментах своей жизни, которая не баловала ее, но не смогла лишиться оптимизма, любви к науке, искусству. На обложке обозначено "Нью-Йорк — Одесса". Мне кажется, что точнее было бы написать "Одесса — Нью-Йорк — Одесса". Дело в том, что в "Милом политехе", как она назвала свой цикл, посвященный родному вузу, Е. Л. проработала... 52 года. Она автор более 100 научных работ, кандидат химических наук, доцент. К слову, Е. Л. окончила этот институт, когда он назывался Индустриальным. Долгие годы сотрудничала с Новосибирским институтом катализа, куда летала не один десяток раз.

Может быть, вы, уважаемый читатель, решите, что все в прошлом, если узнаете, что этому человеку 93-й год? (Она никогда не скрывала свой возраст и гордится им, об отношении со старостью — чуть позднее.) Судите сами, прочитав отрывки из недавно полученного ею письма.

"Рады, что Вы сохраняете творческую активность и интерес к истории нашего института (это Новосибирский институт катализа имени Г.К. Борескова, первого научного руководителя Е.Л. Кричевской. — **В. М.**) и его основателю... Намечена дата Международной конференции — 4-8 июля 2007 года... Присылайте материалы, мы будем Вам очень признательны и обязательно поместим их в сборник, который планируем выпустить до начала конференции, т. е. в мае-июне 2007 года..." Вы обратили внимание на год?

С 1998 года Е.Л. Кричевская живет в США. Первый раздел ее книги называется "Предотъездное". В нем трогательный и честный рассказ о трудном для человека ее возраста решении о перемене места не жительства — жизни... Ее телефон, главное средство связи с внешним миром для больного и почти полностью слепого человека, на новом месте практически замолкнет...

...Слезы прощанья льются,
Сильные уезжают,
Тихие остаются...
...Я забывать не вправе,
Что мы живем на вулкане,
Что есть в этом мире "Память"...

Она понимает диалектику жизни и далее неожиданно меняет оценку:

...Самолет взлетает,
Слезы разлуки льются.
Смелые уезжают,
Стойкие остаются.... (курсив мой. — **В. М.**)

...И сердцу хочется верить,
Мы еще будем вместе,
Тот, кто навек уехал,
И кто остался на месте...
Не знаю, как это будет,
Но хочется верить — будет!

Ее тревожит естественный вопрос: "Что ожидает нас? Утонем или выживем?"

... Какой бы ты ни была, Америка,
Приют для беженцев из самых дальних стран,
Здесь отделит нас от родного берега
Не море теплое, а грозный океан!

Сегодня мы знаем, что семья нашей героини, к счастью, "выжила".
И телефон ее не замолчал! И сама она часто звонит нам, в родную Одессу.

Чего греха таить, многие, уезжая, вынужденно бросали на произвол судьбы домашних животных, стараясь поскорее забыть об этом. Мне кажется, что одно из самых значительных стихотворений Е. Л. — посвященное коту Кузе.

Милый кот, тебя мы предали...

Рассказав о жизни кота в семье, радости общения с ним, Е. Л. так кончает свое стихотворение:

В нашем горестном изгнании
Станешь ты воспоминанием,
Что, как всякое предательство,
Не простится никогда.

Такое признание мог сделать только душевно чистый человек. Такой, как Евгения Львовна...

Второй раздел книги собственно и дал название сборнику. Это рассказ о новой жизни, о поиске путей общения, о Манхеттене и "Оркестре сеньоров", давно не работающих музыкантов, которые раз в году собираются, чтобы дать концерт и почувствовать себя нужными людям, это рассказ о новом друге, эмигрантке из Одессы 70-х годов Розе Бунчик, матери поэта Юрия, издавшего уже несколько книг. Светлому человеку Розе, помогающей бескорыстно всем новым иммигрантам, которым одиноко и трудно вне привычного круга общения, посвящено стихотворение "Ирисы". Е. Л. пишет, что для нее в американских ирисах "запах Родины таится..."

Но есть особенность в их цвете,

На чувство горькое намека,

Ирисы русские — в соцветье,

Цветок Нью-Йорка — одинок

(в американских магазинах ирисы продаются с одним цветком на стебле).

Е. Л. пишет о неизбежной для чувствующего, думающего человека ностальгии.

...Прихожу я на берег песчаный,

Где шумит неумолчный прибой,

Сквозь безбрежную даль океана

Я лечу к тебе, город родной!

В своих письмах она тревожится о судьбе нашего Театра оперы и балета, интересуется сроками окончания ремонта, его качеством, она, которая никогда не увидит театр, где когда-то бывала с мужем, друзьями...

На пороге нового тысячелетия Е. Л. вспоминает всех, кто дорог ей в Одессе. И снова:

Пусть же светятся в веках

Театр наш и наш маяк.

Она изучает шрифт Брайля и обучает ему других людей, посвящает благодарный стих ныне живущему в Америке одесскому артисту Александру Краснопольскому, озвучившему книги для незрячих, называя его Волонтером:

В глазах слепого свет мерцает,

Он не погаснет до тех пор,

Пока нам Бабеля читает

Незримый миру волонтер.

Сама Е. Л. пишет статьи о новой жизни, присылает в Одессу, и мы стараемся их публиковать. Она печатается в американских изданиях, где опуб-

ликовала уже более двух десятков материалов. Е. Л. активный член Нью-Йоркского клуба любителей книги, где выступает с интересными сообщениями, пользующимися успехом у членов клуба. Просит присылать ей книги, но непременно — сперва для клуба, потом для нее, что я и делаю...

Трогательное стихотворение посвящено "новому одесситу" американцу Хобарту Эрлу и нашему филармоническому оркестру. Мне очень хочется подарить Хобарту сборник Е. Л., и я просил прислать экземпляр для него.

Неожиданное стихотворение она посвящает своему одесскому знакомому, ныне бизнесмену Б.

Его империя огромна,
В ней реки красного вина
Текут на Запад. Пышут домны.
Струится нефть с морского дна...
Он как король сидит на троне,
Но под дамокловым мечом...
...Вдруг вспомнит он былые годы,
Иную жизнь и мир иной,
Когда счастливый и желанный,
Благословенным майским днем
Без кошелька и без охраны
Он шел по улице пешком.

(Фрагменты.)

Она уважает этого человека и, беспокоясь о нас, рекомендует обращаться к нему как к спонсору. Признаюсь честно, что ни разу ее советом воспользоваться не смог...

Е. Л. вспоминает об эвакуации, о радостном, но нелегком возвращении домой, о муже Борисе Аганине, с которым прожила 42 счастливых года, о дочери Наташе, внуках и правнуках, об ушедших друзьях ("ведь рядом с Вами мы стали лучше и добрей..."), о дорогих сердцу походах (Нью-Йорк для нее 103-й и, наверное, последний город), о "рецепте", "как прожить до 90" ("С наслаждением трудиться, не искать перо Жар-птицы и глядеть на мир людской с юмором и теплотой")...

Сама она это умеет. Чего стоит ее самокритичный поэтический автопортрет, в котором Е. Л. явно преувеличивает свои несовершенства... А уж трудится, как немногие. Е. Л. — сгусток энергии Добра. Она заботится о нас, ее младших и теперь далеких коллегах, помогая преодолевать неприятности, беды... В одном из писем в Одессу Е. Л. говорит о жизненной энергии своей матери, по сравнению с которой ее собственная — "ничто"...

Трудно, невозможно представить себе, каким вулканом должна была быть ее мать, воспитавшая такую без преувеличения поразительную дочь...

Е. Л. не может не размышлять о старости. Обращаясь к сверстнице, двоюродной сестре Вере, она пишет:

Если в дождливый вечер,
В часы своего досуга,
Ты не выйдешь на улицу,
Чтоб повидать подругу..
Если ты больше не плачешь
Там, где вчера рыдала,
Значит, старость явилась, —
Вот где ее начало,
Безразличие к жизни,
Равнодушие к людям..
Милая, дорогая,
Мы такими не будем!

В своем сборнике Е. Л. рассказала не только о себе и близких, она рассказала о нашей жизни, о "судьбах людских". Своим примером она помогает жить другим.

